

УДК 28(470.57)
ББК 86.38(2Рос.Баш)

Дата поступления статьи: 26.09.2024
Дата принятия статьи: 11.11.2024

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАН ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ И СИБИРИ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА *

Зухра Рамилевна Сабирова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия
E-mail: timerbulat2009@mail.ru

Аннотация. В современной историографии, особенно региональной, тема отражения религиозного сознания советского населения в документах и деятельности муфтията практически не изучена. Монографических изданий, посвященных религиозному сознанию советского человека, не было и среди общесоюзных исследований. Проблема актуальна в свете современной политической обстановки в мире, которая снова поставила на повестку дня проблему взаимоотношений между народами и обратила наше внимание на исторический опыт мирного решения этих проблем. Проведенное исследование указывает на трансформацию дискурса антирелигиозной политики советского государства от диалога к репрессивным мерам, а затем к политике «сдерживания» религиозной убежденности, от борьбы за атеистическое воспитание к воспитанию «неверующего». Используя весь диапазон средств, как наглядных, так и вербальных, советская власть пришла к вынужденным послаблениям и лояльности. Впервые использованы источники фонда 18-го муфтията Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири А. Исаева, партийные документы Национального архива Республики Башкортостан, отдела Редких изданий Научной библиотеки УФИЦ РАН. Как показали источники, страна не только не перешла к полному атеизму в советский период истории, но и продолжала сохранять религиозные общественные институты, оказывавшие посильную помощь в критические для народа периоды. В связи с этим государство отвечало послаблениями антирелигиозной политики, не изменяя при этом курсу атеистического воспитания масс, что, по сути, удалось. Однако отсутствие в советской идеологии решения главного вопроса о диалектике жизни и смерти человека, на который религии и религиозные течения давали свой ответ, способствовало сохранению в умах населения, порой и партийного, островков религиозного сознания.

Ключевые слова: религиозное сознание населения, антирелигиозная пропаганда, атеистическое воспитание, советская власть

Цитирование: Сабирова З.Р. ЦДУМ Европейской части России и Сибири и религиозное сознание советского человека // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 4. С. 384–392. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.4.043>

UDC 28(470.57)
LBC 86.38(2Рос.Баш)

Submitted: 26.09.2024
Accepted: 11.11.2024

THE CENTRAL SPIRITUAL ADMINISTRATION OF MUSLIMS OF THE EUROPEAN PART OF RUSSIA AND SIBERIA AND THE RELIGIOUS CONSCIOUSNESS OF THE SOVIET PEOPLE

Zuhra R. Sabirova

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
E-mail: timerbulat2009@mail.ru

Abstract. The issue brought up in the article is relevant in the light of the current political situation in the world. Today, the problem of relations between peoples is on the agenda. It draws our attention to the historical experience of peaceful resolution of the problems of a multi-confessional and multi-ethnic population. In

* Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг.

modern historiography the topic has been practically unstudied. Especially, in regional one. There were no monographic publications devoted to the religious consciousness of the Soviet people among the All-Union studies. In recent years, all-Russian historiography has been examining issues related to religious policy in the USSR from various angles. The chronological framework of research is broad. However, the presence of a gap in the study of details is confirmed by the work of specialists in related humanities fields. Some authors have touched upon the problem of transforming the presentation of religious topics to the Soviet population. Despite the fact that there are fundamental works devoted to the development of religion there isn't enough attention in regional historiography to the issues of anti-religious propaganda and religious education in the Soviet state. However, there is a view of the anti-religious propaganda of the Soviet state as aggressive leading to the barbarization of the consciousness of the population and its secularization. The sources from the Fund of the 18th Mufti of the Spiritual Administration of Muslims of the European Part of the USSR and Siberia of the Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences A. Isaev, party documents of the National Archive of the Republic of Bashkortostan and the Rare Editions Department of the Scientific Library of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences were used. According to the sources, the country did not switch to atheism during the Soviet period of history and also continued to maintain religious public institutions that provided all possible assistance in critical periods for the people. As a result, the state responded by relaxing its anti-religious policy without changing the course of atheistic education of the masses. The conducted research points to the transformation of the discourse of the anti-religious policy. It turned from the dialogue to repressive measures and then to the policy of containment of religious conviction. The struggle for atheistic education caused breeding of the nonbeliever. Having used the entire range of visual and verbal means the Soviet government came to forced concessions and loyalty. However, Soviet ideology unlike religion and religious movements couldn't give answer to the main question of a person's life and death. It contributed to the partial preservation of religious consciousness in the minds of the population, sometimes even party-political ones.

Keywords: anti-religious propaganda, atheistic education, Soviet power

Citation: Sabirova, Z.R. 2024, "The Central Spiritual Administration of Muslims of the European Part of Russia and Siberia and the religious consciousness of the Soviet People", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 4, pp. 384–392. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.4.043>

Введение

Тема актуальна в свете современной политической обстановки в мире, которая снова поставила на повестку дня вопрос взаимоотношений между народами и обращает внимание на исторический опыт мирного решения проблем взаимодействия многоконфессионального и многонационального населения. В современной историографии, особенно региональной, тема практически не изучена. Есть ряд публикаций, посвященных атеистической и антирелигиозной работе в республике за разные годы (например, работы Ф.Ф. Гайнуллина, Б. Ишемгулова, Р.А. Набиева, В.Г. Чухрова, Р.З. Штейнгарта). Монографических изданий, посвященных религиозному сознанию советского человека, не было ни в региональных, ни в общесоюзных исследованиях. Общероссийская историография в последние годы с различных ракурсов рассматривает вопросы, связанные с религиозной политикой в СССР, хронологические рамки исследований широки. Однако наличие лакуны в изучении деталей подтверждается работами специалистов смежных гуманитарных областей. «Между дореволюционным и позднесоветским периодами развития отечественной психологии религии образовался существенный пробел» [Дамте, 2019. С. 52], так как эта дисциплина была под запретом, некоторое послабление наступило лишь в 1960-е гг. Одной из интересных работ, затрагивающих тему религиозного сознания, является параграф «От антирелигиозной пропаганды к союзу государства и церкви» книги, опубликованной в Нижнем Новгороде. Параграф написан на примере исторической романистики, радио и общественных организаций и охватывает период 1920–1940-х гг. [Гордина, Гордин, 2009]. Авторы пишут о трансформации подачи советскому населению религиозной темы. В региональной же историографии, несмотря на то, что существуют фундаментальные труды, посвященные развитию религии в регионе (А.Б. Юнусовой, например), в них не выделены вопросы религиозного воспитания в Советском государстве. Стоит обратить внимание, что А.А. Гизитдинова, например, идет в своих рассуждениях дальше и характеризует его антирелигиозную пропаганду как агрессивную, приведшую к варваризации сознания населения [Гизитдинова, 2021]. Таким образом, новизна поставленной проблемы – в опровержении некоторых сложившихся в региональной историографии позиций об атеистическом сознании большинства населения, а также о радикальной и безусловной антирелигиозной

политике государства. Наша цель – проанализировать религиозное сознание населения муфтията ЦДУМ Европейской части России и Сибири сквозь призму деятельности ЦДУМ, ибо деятельность его опиралась на это сознание и без него не имела бы почвы для развития. Для достижения цели поставлены следующие задачи: выделить основные черты советской религиозной политики; выявить реакцию верующих на внутреннюю политику государства в религиозных вопросах; показать взаимодействие с властью и населением Центрального духовного управления Европейской части России и Сибири как в общерелигиозных, так и государственных, внешнеполитических вопросах.

Результаты исследования

Среди культурных новаций Советского государства присутствовало атеистическое воспитание населения. Прежде всего в СССР и других социалистических странах гарантированная конституциями свобода совести предполагала свободу вероисповедания и свободу атеистической пропаганды. В то же время по декрету «О земле» 1917 г. церковь лишилась принадлежавших ей земель. «Декларация прав народов России» провозглашала, в свою очередь, «отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений». Декретом от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» религия объявлялась частным делом граждан.

В целях выполнения поставленных властями задач в БАССР проводились комсомольские «Пасхи», «Ураза-байрамы», «Курбан-байрамы» и т.д., в рамках которых организовывались мероприятия антирелигиозной направленности. Так, в ночь перед Пасхой 1924 г. в Белебеевском кантоне было организовано «4 союзных вечера, где присутствовала беспартийная масса... более 500 человек, ... , спектаклей – 3, концертов – 7, и в городе проведен цикл лекций в течение недели, охватили всего по кантону 3445 человек, в последний день пасхи был проведен диспут», после которого «беспартийная ученица лет 15 в дневнике впечатлений школы о Пасхе написала, она убедилась, что личность Христа как историка не существовала и она в этом убедилась, посещая аккуратно лекции и диспуты» [Отчеты и информационные месячные сводки... Л. 53].

Чтобы склонить основную массу населения к атеизму, органы советской власти прежде всего стремились развить в верующих чувство доверия к новому порядку, а потому проявляли лояльность к религиозным организациям и общинам. В 1920 г. в г. Уфе был проведен I съезд духовенства (улемов и мутаваллиев) при Центральном духовном управлении мусульман (ЦДУМ) под председательством действовавшего тогда муфтия Г. Баруди. В Москве в 1925 г. успел выйти «Устав духовной организации мусульман Российской Социалистической Советской Федеративной Республики (за исключением Крыма, Кавказа и Туркестана)», в котором было сказано, что «Учреждениями, ведающими духовно-религиозными делами мусульман на территории Татарской, Башкирской, Киргизской и Украинской республик, Чувашской, Вотской, Калмыцкой Автономных областей, а равно и губерний внутренней России и Сибири, являются: 1) Съезд представителей мусульманского духовенства и приходов; 2) Центральное Духовное Управление Мусульман; 3) Совет Гулемов (ученых); 4) Управление Мухтасибатов; 5) Приходские управления (мутаваллиты)». Съезды должны были собираться раз в три года и, кроме вопросов догматики, заниматься религиозным просвещением, рассмотрением отчетов в ЦДУМ, участвовать в выборах председателя и членов управления и Советов Гулемов [Устав..., 1925. С. 25]. Управление, являвшееся исполнительным органом, также избиралось на 3 года, имело постоянное место пребывания в г. Уфе по ул. Тукаева, д. 50; занималось согласованием проводимых богослужебных обрядов с правилами Шариата, правильностью печатания Корана и других книг, надзором за деятельностью мухтасибатов и приходов, выдачей разрешений на их открытие/закрытие, экзаменацией на должности мулл, муэдзинов, халф, утверждением всех в должности, улучшением материального положения духовенства, обеспечением Гаиля-Дефтери (книгами для записи актов семейного состояния) и выдачей справок из них, открытием духовно-богословских школ, курсов, наблюдением за преподаванием вероучения; обращением от имени верующих в государственные органы и возбуждением перед ними необходимых ходатайств; содержались они на добровольные пожертвования мусульман [Устав, 1925. С. 2–9]. В ведении Мухтасибатов было также материальное обеспечение образовательных учреждений, разрешение всех возникающих между духовными лицами религиозно-служебных вопросов [Устав, 1925. С. 4]. Приходское Управление избиралось на 1–3 года, состояло из 5 человек, имама, муэдзина и 3-х избираемых общим собранием лиц. Такая «наблюдательная» государственная политика позволила собрать делегацию советских мусульман для участия на Всемирном мусульманском конгрессе в Саудовской Аравии в 1926 г. (г. Мекка), вице-президентом которого был избран муфтий ЦДУМ Р. Фахретдинов.

В дальнейшем религиозная политика СССР ярко выразилась в репрессивных мерах и антирелигиозных компаниях, подобных общероссийскому вскрытию мошей святых или массовому сносу религиозных зданий. Инструкция НКВД от 1 октября 1929 г. «О правах и обязанностях религиозных объединений» отнесла служителей культа к категории лишенцев. Отметим при этом,

что по Постановлению правительства от 15 февраля 1930 г. «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» местные органы власти исключали из актива лишь «враждебных советскому строю» религиозных деятелей. При этом, к примеру, женщины, на плечи которых испокон веков ложилось бремя воспитания детей, негативно восприняли подобные мероприятия. Они устраивали демонстрации против закрытия мечетей, церквей, снятия колоколов, арестов священников. В д. Ишмуратово АБССР они скандировали: «Да здравствует религия!» В Белебеевском кантоне организовали нападение на начальника милиции, приехавшего для ареста попа. В 1930 г. в д. Сергеевка Благовещенского района на собрании женщины выступили с требованием взамен арестованного попа прислать нового [Доклады, информации..., 10 декабря 1930 г. Л. 180–181; Рапорт..., 13 марта 1933 г. – 9 декабря 1933 г. Л. 182; Протоколы... Л. 180]. Возмущения некоторой части населения в какой-то степени способствовали смягчению антирелигиозной политики государства.

Во время Великой Отечественной войны власти вновь перешли к политике частичного возрождения религиозной жизни в стране под жёстким государственным контролем. Жители республики испытывали патриотический подъем, который выразился в стремлении сделать свой вклад в победу: «За 1944 г. и первый квартал 1945 г. верующими мусульманами Башкирской АССР было собрано и внесено в фонд обороны 192 655 рублей» [Исянгулов, 2006 б. С. 127]. В 1945–1955 гг. Советом по делам религиозных культов БАССР было рассмотрено 79 заявлений с ходатайствами о регистрации общины и открытии мечети, но 55 из них были отклонены. В 1948 г. состоялся очередной съезд мусульманского духовенства, где ЦДУМ был переименован в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС), проведены выборы и утвержден новый устав. Эти мероприятия были организованы муфтием Габдрахманом Расулевым. Но постепенно были прекращены службы вне храмов, отменены крестные ходы, кроме пасхальных, ограничены разъезды духовенства по населенным пунктам, не допускалось обслуживание одним священником нескольких церквей, ограничено паломничество, сократившееся в результате с 30 тыс. до 150 [Материалы уполномоченных совета... Л. 3; Материалы о религиозных культах... Л. 175–176; Исянгулов, 2006 а. С. 44]. Активно преследовалось совершение религиозных обрядов коммунистами и комсомольцами. Специальным постановлением заместителя председателя Совмина БАССР предписывалось максимально ограничить ежегодное паломничество на соляной источник под Красноустьевском в честь чудотворной иконы Табынской Божьей Матери, увезенной в 1919 г. в г. Урумчи колчаковцами. Ограничительная политика власти набирала обороты. В ноябре 1948 г. пост покинул глава Уфимской епархии архиепископ Иоанн, затем «за неоправданные заигрывания с православным духовенством и моральное разложение» смещен с поста уполномоченный Н. Козлов [Сергеев, 2000. С. 16–18]. В период с 1950 г. по 1955 г. количество отклоненных ходатайств о регистрации религиозных обществ уже составляло 100 % [Хрестоматия..., 2005. С. 159; Юнусова, 1999. С. 213]. Принципы антирелигиозной агитации среди молодежи широко обсуждались на съездах ВЛКСМ [XIII съезд ВЛКСМ, 1959. С. 38]. Задачи атеистического воспитания были сформулированы в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии (1961): «Партия использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих. Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований...» [Материалы XXII съезда КПСС, 1961]. В 1964 г. указом Центрального комитета КПСС «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения» был создан Институт научного атеизма, который разработал карту советской религиозности, централизованно координировал как исследования религиозности, так и атеистическое воспитание.

В 1960–1965 гг. на территории Башкирии было зарегистрировано 16 мусульманских приходов. Наиболее крупными по числу прихожан, по данным А. Б. Юнусовой, были мечети в среднем течении р. Белой – в Стерлитамаке, Аллагувате, Яширганове, Стерлибаше, Мелеузе и др. [Юнусова, 1999. С. 260–262; Хрестоматия..., 2005. С. 141–142] Постановление Совета Министров РСФСР 1968 г. «О мерах по улучшению контроля за выполнением законодательства о религиозных культах» способствовало выявлению и взятию на учет религиозных групп населения. В Башкирии было более 90 незарегистрированных и мелких мусульманских обществ и объединений: в Миякинском и Илишевском районах – по 19 (с учетом безмечетных мулл), в Чишминском – 16, в Чекмагушевском – 9 [Юнусова, 1999. С. 260–262].

В конце 1960-х гг. продолжали предприниматься меры по усилению научно-атеистической работы на предприятиях и в организациях городов республики. В г. Стерлитамак был создан городской Совет атеистов, при вечернем факультете университета марксизма-ленинизма был открыт факультет научного атеизма. Часто на страницах газеты «Стерлитамакский рабочий» появлялись статьи на антирелигиозные темы. При парткомах различных организаций создавались группы лекторов-атеистов, которые при кабинетах политпросвещения предприятий создавали уголки атеиста, а также выставки-витрины научно-атеистической литературы. Такая группа из 6 человек действовала, например, при

содово-цементном комбинате, из 12 человек – при заводе «Авангард», из 44 человек – при заводе Синтеза каучука. Общегородская стерлитамакская секция по научному атеизму включала в себя 50 лекторов. Они же проводили индивидуальную работу с верующими в школах № 27, 84, в отдельных цехах указанных заводов, при родильном доме № 1, пропагандировали и внедряли в работу советские праздники и обряды на химическом, содово-цементном комбинате, мелькомбинате. При Доме культуры содово-цементного комбината проводил идеологическую работу Дворец бракосочетания. Лекторам выдавалась методическая литература, организовывались обучающие семинары от горкома КПСС [Из Протокола..., 1969. Л. 144]. Они разрабатывали тематику лекций, семинаров, вечеров, бесед, устных журналов, дней атеизма, радиопередач.

Однако смягчение атеистической политики в период и после Великой Отечественной войны привело к тому, что, как указывали номенклатурные работники, пропаганда велась бессистемно, от случая к случаю, план работы с верующими не был продуман, «агитаторы по месту жительства с беседами на антирелигиозные темы не выступают... [на – З.С.] гормолокозаводе, тресте столовых, в детских садах и яслях» [Из Протокола... Л. 145]. «Недостаточно ведется работа по формированию научного мировоззрения, по преодолению пережитков религии в сознании и поведении молодежи комсомольскими организациями..., комиссия при исполкоме горсовета по внедрению новых обрядов ослабила свою работу» [Из Протокола заседания бюро Стерлитамакского горкома КПСС, 1969 г. Л. 145], редко демонстрируются в кинотеатрах, домах культуры и клубах фильмы, мало читаются кинолекции и лекции на богоборческие темы обществом «Знание».

Здесь было о чем задуматься. Партийные комитеты вели статистику. За 6 месяцев 1969 г. не было ни одной антирелигиозной лекции Аскинского, Аургазинского, Белокатайского, Белорецкого, Благовещенского, Илишевского, Караидельского, Мишкинского райкомов комсомола, по одной лекции прочитали в Дуванском, Миякинском, Иглинском, Стерлибашевском районах. Замечания получили райкомы ВЛКСМ нескольких районов Уфы: «Лекции по своему содержанию отстают от мировоззренческих запросов юношей и девушек..., не учитывают специфику религиозных направлений, особенности современного религиозного модернизма» [Протокол № 31... Л. 19]. Выяснилось, что в 1968 г. в молитвенных домах по г. Стерлитамаку было окрещено 1040 детей, в том числе из содово-цементного комбината – 38, заводов Синтеза каучука – 36, химического – 36, «Авангард» – 39, станкостроительного – 16, треста Стерлитамакстрой – 43, треста столовых – 17, из детских садов и яслей – 32 и т. д., причем среди родителей этих детей были учителя, преподаватели и инженерно-технические работники [Из Протокола... Л. 145]. Возраст родителей, крестивших детей, составил от 18 до 32 лет.

В постановлении ЦК ВЛКСМ от 31 мая 1969 г. признавалось, что «в последние годы, в условиях общего кризиса религиозной идеологии, религиозные организации всех направлений усиливают деятельность, направленную на обработку молодого поколения, усиливается религиозная пропаганда из-за рубежа, в которой делается упор на идеи антисоветизма в религиозной оболочке. Эта активность... не проходит бесследно... Интерес части молодых людей к незнакомым традициям, к культурному наследству принимает форму усвоения религиозных идей» [Протокол № 31... Л. 18].

В числе рекомендаций были не только усиление антирелигиозной пропаганды, но и комплексная работа по определению степени религиозности верующих, разработке конкретного плана ведения индивидуальной работы с каждым. Секретари фабзавкомов должны были приложить особые усилия для широкого внедрения в жизнь и быт населения, в работу городских учреждений культуры народных и революционных традиций и обычаев, современных обрядов и праздников, таких, например, как народные гуляния, вечера посвящения в рабочий класс, дни совершеннолетия, рождения, чествования новорожденных, комсомольской свадьбы, вручения паспортов, проводов в армию, памяти родственников и т. д. Создавались атеистические уголки, стенгазеты и многотиражные газеты, кружки и клубы молодых атеистов, проводились беседы, спектакли, концерты, также и по месту жительства с привлечением ЖКО (жилищно-коммунальных организаций), ЖКК (жилищно-коммунальных комитетов), уличных комитетов и женсоветов, вводилась практика мероприятий для пожилых людей, женщин: вечера «За чашкой чая», вечера пенсионеров, домохозяек, женщин, отцов, бабушек и т. д., организовывалась художественная самодеятельность для верующих. В семьях, где есть верующие, к антирелигиозной пропаганде активно подключали их родственников, состоящих в компартии, а также обслуживающих их медицинских работников в больницах, родильных домах, женских консультациях. Контроль за мероприятиями был возложен на заведующего отделом пропаганды Стерлитамакского горкома КПСС Х. Г. Карамышева [Из Протокола... Л. 146–147].

В это время работа муфтията продолжилась. В 1972 г. муфтий ДУМЕС Ш. Хиялетдинов был награжден международной Ленинской премией и золотой медалью «За укрепление мира между народами». Это был сложный для всего СССР период «холодной войны». Напряженность международной политической обстановки требовала крепости духа и нравственности. В связи с этим большой вклад в

общественное развитие страны внес Абдулбари Низамутдинович Исаев, член, а затем одиннадцатый председатель Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири [Свидетельство... Л. 1]. Этим объясняется широкая общесоюзная и внешнеполитическая деятельность А. Исаева, а также старейшего в стране муфтията – ДУМЕС под его руководством. Духовному управлению Средней Азии и Казахстана в 1976 г. исполнилось только 30 лет [Письмо ДУМ ..., 1976. Л. 2].

А. Н. Исаев, уроженец Чекамгушевского района, фронтовик, вернулся в г. Уфу в 1946 г. и по 1953 г. работал в Духовном управлении мусульман Европейской части России и Сибири. В 1953 г. был назначен имам-хатибом 2-го прихода г. Уфы, а в 1956–1975 гг. – имам-хатибом Соборной мечети г. Ленинграда. В мае 1975 г. его избрали на должность муфтия ДУМЕС. Однако фронтовые раны давали о себе знать, здоровье муфтия все ухудшалось, поэтому в 1980 г. А. Исаев по собственному желанию покинул пост муфтия. Это было впервые в истории российского ислама, когда муфтий сам покидал свой пост. Далее он продолжил свою службу имам-хатибом в Соборной мечети г. Ленинграда. Международные события конца 70-х годов, а именно исламские революции в Ливии и в Иране, ввод советских войск в Афганистан, усилили борьбу власти с проявлением религиозности мусульманского населения СССР. В своих речах А. Н. Исаев всегда поддерживал «лозунг нашего государства о дружбе, равенстве и братстве между народами», выступал с критикой других муфтиятов (а их в СССР было всего 4), в поведении которых, как он считал, проявлялся национализм [Информация председателя..., 1976. Л. 2], критиковал царское правительство за ссылку видных религиозных деятелей-просветителей, ограничение свободы мусульман, что, по его мнению, противопоставлялось словам из Корана: «Человек должен быть равным, уважаемым... Мы породили человека для уважения» [Выступление муфтия ДУМ..., 1976. Л. 8–9]. В его поездке в 1976 г. в г. Горький по приглашению кадия Назирова А.Н. Исаева сопровождал корреспондент журнала «Мусульмане Советского Востока» Шайхулов (официальное многоязычное издание Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, выходящее тиражом 3 тыс. экз. на арабице, что препятствовало распространению его среди советской молодежи, не изучавшей арабицу в школе [Ахмадуллин, 2014. С. 103]). В этой поездке на проповеди А.Н. Исаева присутствовало 1200 чел. [Сведения... Л. 1–2]. В 1977 г. под эгидой руководства страны в Москве более 700 делегатов из 107 стран собрались на форум «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливое отношение между народами», где было принято «Обращение ко всем людям доброй воли». Делегатами на форуме от ДУМЕС участвовали во главе с муфтием 4 человека и все шакирды, являвшиеся на тот момент студентами медресе Ташкента и Бухары [Выступление муфтия ДУМЕС ..., 1977. Л. 2]. В своем обращении к верующим Абдулбари Исаев призывал: «Наша духовная совесть обязывает нас всячески поддержать предложения миролюбивых государств о созыве Всемирной конференции по разоружению, о запрещении новых видов оружия массового уничтожения людей...» [Выступление муфтия ДУМЕС..., 1977. Л. 3]. 15 декабря 1977 г. делегаты муфтията участвовали в «Совещании глав и руководителей церкви и религиозных объединений СССР, посвященном обсуждению проблемы производства и распространения нейтронной бомбы и связанной с этим опасностью для мира в Европе и во всем мире». В связи с этим А.Н. Исаев обратился к мусульманам с призывом поддержать наше государство в борьбе «за мир во всем мире, за запрещение нейтронной бомбы...» [Обращение..., 1977. Л. 2–3]. Не изменилась позиция муфтията, а в его лице и верующих Европейской части России и Сибири, и на Международном исламском симпозиуме «Вклад мусульман Средней Азии, Поволжья и Кавказа в развитие исламской мысли, в дело мира и социального прогресса» накануне XV века хиджры, проходившем в Душанбе и собравшем религиозных деятелей из республик Советского Востока и представителей 25 стран Азии, Африки и Европы [Сообщение ТАСС, 1979. С. 1].

Несмотря на поддержку религиозным сообществом внутренней и внешней политики СССР, двоякая позиция государства в религиозном вопросе сохранялась. В 1980-е гг. при райкомах КПСС были организованы 2-годичные курсы для организаторов атеистической работы в школах и сузах. Организовывались круглые столы с участием работников руководящего аппарата, Комитета по делам религии при Совете Министров БАССР, вузов, БФАН СССР. В средней школе № 19 г. Уфы для родителей учащихся был создан Университет атеистических знаний, во Дворце культуры нефтяников работал университет «Атеист» для старшеклассников и учащихся ПТУ Кировского района г. Уфы, при кинотеатре «Луч» создан лекторий «Наука и религия» [Кировский райком КПСС... Л. 36], во Дворце культуры строителей – университет «Научный атеизм» с охватом слушателей в 200 человек. Среди студентов вузов проводили анкетирование на предмет отношения к религии, результаты которых потом рассматривались на заседаниях парткомиссий [Из Протокола..., 1969 г. Л. 37; Справки, информации... Л. 86].

В целом, представление неверующих о религиозном сознании человека довольно емко изложено в следующих словах: «Религиозные объединения и организации различных вероисповеданий, их лидеры выдвигают свои решения самых различных проблем современной жизни – мирного сосуществования, пути общественного развития, антиимпериалистической борьбы, личной совести и ответственности

граждан и т.д. Деятельность религиозных организаций – особенно тех, которые охватывают своим влиянием десятки миллионов людей, обладают мощным пропагандистским аппаратом и имеют многовековой опыт воздействия на массы, – не может не привлечь внимания и ученых-обществоведов, и политиков, да и всех людей доброй воли. Ибо и поныне актуальным остается вопрос: на достижение каких политических целей направлены возможности этих организаций, во имя каких идеалов они действуют» [Мчедлов, 1977. С. 4–5]. Далее автор выражает взгляд на верующих и религиозную деятельность с позиций советской власти и подчеркивает, что при оценке социальных движений, в которых участвуют массы верующих, необходимо проводить четкое различие между религиозной идеологической оболочкой и скрытыми под нею жизненными интересами самих верующих, вытекающими из их социального положения, политической обстановки, но выражаемыми в иллюзорной форме. По его мнению, принципы диалектического и исторического материализма обязывают учитывать воздействие религиозных иллюзий на умонастроения индивида, на его социальное поведение, политическую деятельность, творческую активность, миропонимание. Ученый призывает учитывать отношение религиозных организаций к узловым проблемам современной идейной и политической борьбы, поскольку жизнь показывает, что социальный эффект, политические последствия деятельности религиозных организаций далеко не однозначны, порою даже противоположны, более того, называет религиозное сознание синтетическим общественным феноменом. Резюмируя свой анализ, автор делает важный для проблемы развития религиозного сознания и отношения к нему советского народа и власти вывод: «В наши дни не являются редкостью выступления служителей культа, широких масс верующих против капитализма, в защиту национальных и демократических свобод, в поддержку сил, борющихся за мир, демократию, социальный прогресс. Разумеется, подобные политически прогрессивные позиции тех или иных религиозных кругов небезразличны для марксистов, для сил демократии и социализма...» [Мчедлов, 1977. С. 4–5].

Заключение

Таким образом, если поначалу пропагандистско-агитационная работа советской власти была направлена на разубеждение населения в реальности существования Бога, пророков и их деяний и др., на дискредитацию веры и религиозных учреждений с использованием целого комплекса средств и каналов идейного воздействия, то позже основным ее вектором стало поддержание убежденности населения в правильности выбора государством атеистического восприятия мира. Основное содержание атеистической пропаганды составляли научные знания о природе, обществе, человеке и религии, раскрытие происхождения и сущности религии и ее распространения, ее социальных корней, ее противостояния науке и несовместимости с коммунистической идеологией. При этом предполагался охват всех групп населения, к которым принадлежали несознательные атеисты, особое внимание уделялось детям и подросткам. Непрерывающаяся в то же время религиозная деятельность в атеистической стране может быть воспринята как парадокс, но этот феномен имел объективные и субъективные причины. На месте религии революция оставила «пустоту», и этот духовный вакуум грозил лишить смерть, а значит и жизнь, всякого смысла: идеи религии о жизни после смерти Советское государство ничего нового противопоставить не смогло. Антирелигиозная пропаганда в Советском Союзе по сравнению с антикапиталистической была взвешеннее: государство в этом вопросе, на наш взгляд, использовало чаще «политику сдерживания». В исследовательской практике советскую идеологию тоже называют своеобразной религией, и партия использовала различные методы для ее поддержки, в том числе пропаганду и агитацию. У традиционной религии, как известно, такой широты выбора не было, тем не менее «приверженцы» последней шли к религии самостоятельно в поисках ответов на смысло-жизненные вопросы и духовной поддержки. Это был сознательный выбор части населения, для которой веры в советскую идеологию было недостаточно. В целом, тот факт, что религиозные деятели могли участвовать в общественной жизни и к ним достаточно лояльно относилось государство, свидетельствовал о поддержке их населением. Очевидно, что деятельность религиозных деятелей в советский период представляла собой отражение религиозного сознания определенной части населения региона. Несмотря на ограниченность данных, подтверждающих явление советской религиозности как социального протеста, можно согласиться с мнением, высказанным в литературе, что в советский период произошла секуляризация сознания человека [Исянгулов, 2006 а. С. 46].

ИСТОЧНИКИ

- XIII съезд ВЛКСМ.* 15–18 апреля 1958 г. Стенографический отчет. М.: Молодая гвардия, 1959. 359 с.
- Выступление муфтия ДУМ Европейской части СССР и Сибири Абделбари Исаева на Юбилейной конференции под лозунгом «Держитесь за вервь божью и не разъединяйтесь» по случаю 30-летия со дня образования САДУМа.* 1976 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН). Ф. 80. Оп. 1. Д. 8.
- Выступление муфтия ДУМЕС А. Исаева в Уфимской соборной мечети.* 24.06.1977 г. // НА УФИЦ РАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 14.
- Доклады, информации и стат. отчеты по работе среди женщин.* 10 декабря 1930 г. // Научный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 9. Д. 172. Л. 180–181.
- Из Протокола заседания бюро Стерлитамакского горкома КПСС.* 2 апреля 1969 г. // НА РБ. Ф. 788. Оп. 1. Д. 1372.
- Известия.* 18 сентября 1979.
- Информация председателя ДУМ Европейской части СССР и Сибири о конференции, посвященной 30-летию создания ДУМ Средней Азии и Казахстана,* 1976. // НА УФИЦ РАН. Ф. 90. Оп. 1. Д. 5.
- Кировский райком КПСС г. Уфы Башкирской АССР.* Справки, информации отделов по выполнению постановлений вышестоящих партийных органов // НА РБ. Ф. 207. Оп. 74. Д. 21.
- Материалы о религиозных культах в республике в 1963–1965 гг.* // НА РБ. Ф. 122. Оп. 74. Д. 263. Л. 175–176.
- Материалы уполномоченных совета по делам религиозных культов и совета по делам Православной церкви при Совете министров БАССР за 1959 г.* // НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 1520. Л. 3.
- Материалы XXII съезда КПСС.* М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.
- Мчедлов М.* Религия в современном мире // Известия. 1977. С. 4–5 // НА УФИЦ РАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 21.
- Обращение муфтия А. Исаева к мусульманам Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири.* 27.12.1977 // НА УФИЦ РАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 16.
- Отчеты и информационные месячные сводки, планы работы и циркуляры отдела агитации и пропаганды Белебеевского канткома РКП(б) и анкеты окончивших совпартшколу и комвузы.* 14 января 1923 г. – 1 января 1924 г. // НА РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 138.
- Письмо ДУМ Средней Азии и Казахстана по подготовке и проведению 30-летия со дня образования САДУМа в адрес председателя ДУМЕС, муфтия А. Исаева,* 1976. // НАУФИЦ РАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4.
- Протокол № 31* Заседания бюро Обкома ВЛКСМ и материалы к нему. Постановление Башкирского обкома ВЛКСМ. 1981 г. // НА РБ. Ф. 341. Оп. 29. Д. 735.
- Протоколы по реализации решения обкома ВКП (б) об оборудовании и открытии кино-мастерской.* 28/IV-1933 – 25/VI-1933 // НА РБ. Ф. 122. Д. 527. Л. 180.
- Рапорт,* информационные отчеты и докладные записки о работе среди женщин. 13 марта 1933 г. – 9 декабря 1933 г. // НА РБ. Ф. 122. Оп. 12. Д. 538.
- Салаватский горком КПСС БАССР.* Протоколы с № 25 по № 27 заседаний бюро обкома КПСС // НА РБ. Ф. 6958. Оп. 20. Д. 12.
- Сведения о поездке председателя ДУМ Европейской части СССР и Сибири в г. Горький.* 1976 г. // НА УФИЦ РАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 11.
- Свидетельство муфтия Абдулбари Исаева об избрании членом ДУМЕС,* 1975 г. // НА УФИЦ РАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 3.
- Сообщение ТАСС* // Известия. 18 сентября 1979.
- Справки, информации* отделов по выполнению постановлений вышестоящих партийных органов, 26 января 1987 г. – 30 декабря 1987 г. // НА РБ. Ф. 207. Оп. 74. Д. 21.
- Хрестоматия по истории Башкортостана XX века /* Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. 212 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмадуллин В.А.* Деятельность партийно-государственного аппарата СССР и Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана по изданию и распространению мусульманских журналов в 1945–1991 гг. // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. Вып. 4. С. 97–105.
- Гизитдинова А.А.* Социокультурные и историко-идеологические истоки варваризации отечественной культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2021. № 1. С. 11–18.
- Гордина Е.Д., Гордин А.А.* От антирелигиозной пропаганды к союзу государства и церкви: трансформация подачи советским трудящимся религиозной темы в конце 1920-х – начале 1940-х гг. (историческая романистика, радио, общественные организации) // Мировоззренческая парадигма в философии: религия, pro et contra. В 2-х ч. Ч. 2. Нижний Новгород: ВГИПУ, 2009. С. 175–197.

Дамте Д.С. Об основных направлениях советской психологии религии 1920-х гг. // Религиоведческие исследования. 2019. № 1 (19). С. 50–73.

Исянгулов Ш.Н. Религиозность как особая форма социального протеста в 1945–1960-е гг. (По материалам Башкирской АССР) // Этносы и культуры Башкортостана: история и современность. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006 а. С. 43–46.

Исянгулов Ш.Н. Роль Центрального духовного управления мусульман в военные и первые послевоенные годы // Восток в исторических судьбах народов России. Кн. 3. Матер. V Всеросс. съезда востоковедов. Уфа, Вили Окслер, 2006 б. С. 126–128.

Сергеев Ю. Н., Абдулов Н. Т. Уфимская епархия в 1943–1964 гг. Очерки истории государственно-церковных отношений. Уфа: Башкир. ун-т, 2000. 105 с.

Устав духовной организации мусульман Российской Социалистической Советской Федеративной Республики (за исключением Крыма, Кавказа и Туркестана). М.: Издание Фаттахутдинова, 1925. 39 с.

Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.

REFERENCES

Akhmadullin, V. A. 2014, “Activities of the party and state apparatus of the USSR and the Spiritual Administration of Muslims of Central Asia and Kazakhstan in publishing and distributing Muslim magazines in 1945–1991”, *Herald of Dagestan State University*, iss.4, pp. 97–105. (In Russ.)

Damte, D.S. 2019, “On the Main Directions of Soviet Psychology of Religion in the 1920s”, *Researches in Religious Studies*, no. 1 (19), pp. 50–73. (In Russ.)

Gizitdinova, A.A. 2021, “Sociocultural and historical-ideological sources of the barbarization of domestic culture”, *The Buryat State University Bulletin*, no. 1, pp. 11–18. (In Russ.)

Gordina, E.D., Gordin, A.A. 2009, “From anti-religious propaganda to the alliance of state and church: transformation of the presentation of religious themes to Soviet workers in the late 1920s – early 1940s (historical romance, radio, public organizations)”, *Mirovozzrencheskaya paradigma v filosofii: religiya, pro et contra. Ch. 2.* (“Ideological paradigm in philosophy: religion, pro et contra. P. 2”), VGIPU, Nizhny Novgorod, pp. 175–197. (In Russ.)

Isyangulov, Sh.N. 2006 а, “Religiosity as a special form of social protest in the 1945–1960s. (Based on the materials of the Bashkir ASSR)”, *Etnosy i kul'tury Bashkortostana: istoriya i sovremennost'* (“Ethnicities and Cultures of Bashkortostan: History and Modernity”), CEI UNC RAN, Ufa, pp. 43–46. (In Russ.)

Isyangulov, Sh.N. 2006 б, “The Role of the Central Spiritual Directorate of Muslims in the War and First Post-War Years”, *Vostok v istoricheskikh sud'bah narodov Rossii. Kn. 3* (“The East in the Historical Destinies of the Peoples of Russia. Book 3”), Willy Oksler, Ufa, pp. 126–128. (In Russ.)

Sergeev, Yu.N., Abdulov, N.T. 2000, *Ufa Diocese in 1943–1964. Essays on the History of Church-State Relations*. Bashkir University, Ufa, 105 p. (In Russ.)

The Charter of the Ecclesiastical organization of Muslims of the Russian Socialist Soviet Federative Republic (with the exception of Crimea, the Caucasus and Turkestan). Fattahutdinova publ., Moscow, 1925, 39 p. (In Russ.)

Yunusova, A.B. 1999, *Islam in Bashkortostan*. Ufimskii poligrafkombinat publ., Ufa, 352 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Зухра Рамилевна Сабирова, кандидат исторических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: timerbulat2009@mail.ru, ORCID 0000-0003-1685-8901

Information About the Author

Zuhra R. Sabirova, Cand. Sc. (History), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: timerbulat2009@mail.ru, ORCID 0000-0003-1685-8901